

Комитет народного контроля

...Строить, а особенно ремонтировать, нужно было всегда. Тем более при той еще советской власти, тем более у нас в Одессе.

Не успел что-то сделать, как у кого-то уже что-то новое. Или жена что-то у кого-то подсмотрела, или появилось пару безразличных копеек, а может, просто что-то в голову стукнуло. И опять двадцать пять, и опять все по новой — снимай перегородки, лепи падугу, меняй плитку... Чтобы как у приличных людей.

У богатых или у тех, кто "на должности", — и тогда, и сейчас — было именно так. А что делать, когда не до роскоши? Когда вокруг тебя дети, старики, кастрюли, и когда всё на голове. Когда некуда поставить даже примус или там ведро с углем... Или когда соседа-пьяницу внезапно "отселили" в ЛТП, а его комната — "стенка к стенке" — досталась тебе. И вот прямо сегодня ночью (и чтобы ША!) надо присоединиться и пробить проем! А кругом "уши", которым не так повезло с той стенкой, как тебе...

Тут уже не до моды, тут чтобы хоть чуть-чуть при жизни успеть.

Ну, как-то вот так крутились...

А что власти? На бумагах все должно было быть по закону. Тут как тут и КРУ, и ОБХСС, и контрольные обмеры, и... тюрьма на всякий случай. Только оступись, не дай Господь...

А я тогда как раз работал в обычном ремонтно-строительном управлении. Наводили порядок на Молдаванке — строили, латали и наживали себе инфаркты... Если пройтись даже сейчас ниже Комсомольской, то можно заметить отчетливые следы еще той нашей работы с тех 60-х и 70-х годов еще той жизни.

А сколько по всему городу надстроили этажей? А сколько "вырезали" балконов?!

Что это, от хорошей жизни портить красивые дома, лезть к ним в душу?!

Ты думаешь, сердце не болело? Мы ж одесситы аж с какого-то там колена! Ну, хорошо, а как иначе? Иначе людям некуда приткнуться, иначе оставайся на улице.

Ты мне рассказываешь...

А как я сам жил?

Две комнаты на шестерых, провисшие потолки, сырость, разбитая проходная веранда, расшатанная вконец лестница еще со времен оккупа-

ции. Да еще все это над дворовой уборной... Ну, представь себе на минутку этот шухер. В выходные только и делал, что пропадал на Староконном. То гайка, то шуруп, то олифа, то шланг. То одно, то второе, то даже третье... Короче, еще как выкручивал себе мозги.

Сама жизнь заставила привести в порядок свою развалюху. Хоть что-то... Добрался до шиферной крыши, поменял трубы, не забыл за полы, даже умудрился выкроить отдельный (!) туалет. А иначе все это как эскимо... без палочки. Как у строителя какие-то возможности тогда у меня все-таки были.

Ну и когда уже как-то почти всё закончили, кто-то из соседей тут же удачно "стукнул" куда надо. Мол, на Молдаванке посреди жизни построили целые хоромы... Мол, куда смотрит власть?!

И начали меня таскать не только в зубах.

Райисполком, райком, милиция... Обмеряли, высчитывали, протоколировали. Чтобы потом вывести на чистую воду. На их чистую воду...

Так дошли до самого страшного — до городского Комитета народного контроля. А что в те годы могло быть страшнее?

Чтобы не было так скучно, "пригласили" на их внеочередное заседание. Это на Пушкинской, дом 34, — угол почти нашей Бебеля. В гробовой тишине секретарь "с ударением" огласил мое дело. Потом выступил и сам председатель Комитета народного контроля — медленно, с расстановкой обличительных фраз, артистически жонглируя "документами".

Мне слово не дали. И так все ясно.

Какие будут мнения?

Мнение одно — направить дело в прокуратуру, рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании в партии...

Всё. Всех за двери — уже докладывается другое дело. Жизнь не стоит...

У меня опустились и руки, и ноги... Я же член партии еще военного призыва. И у меня, скажу, партия всегда была не на последнем месте, а прокуратура — это уже дело такое...

Пока в коридоре приходил в себя, ко мне подбежали несколько моих рабочих, пришедших поболеть за... справедливость. Они-то хорошо знали, в каком "раю" я живу.

Завидя самого председателя Комитета народного контроля, ребята не могли сдержаться: "Вы что, не помните, кто это?! Это же...".

И тут все стало на свои места.

Где-то, наверное, за год до этого разбирательства как-то вызвал меня мой начальник, бывший отставник. Мол, так и так — надо срочно сделать

ремонт квартиры одному большому человеку. Одному очень большому человеку! И чтобы без копейки денег, и чтобы быстро-скоро, и чтобы тихо... Короче, все, как для дивизионного смотра. Кто тогда вообще знал за тот "евроремонт"? Тогда даже таких слов не знали, но дело свое знали добре...

Ну, начали строить. Этого "большого человека" я никогда в глаза не видел. Всем распоряжалась жена — и куда поставить, и как поставить, а куда так вообще не поворачивать даже голову. Исправно каждое утро мне вручали записку с указаниями "от мужа" — что, по его мнению, надо повторить, поправить, добавить... В Одессе же в строительстве и в любви как раз разбираются все...

Записочки эти начинались всегда одинаково:

"Глубокоуважаемый товарищ..."

Ознакомившись со сложившейся ситуацией, считаю необходимым отметить следующее..."

А далее уже шли сами, на минуточку, претензии — что и где разобрать, заменить, подшпательвать, перекрасить...

За столько лет, чтоб я не знал, с кем имею дело? Что, для этого надо много ума? Что, мы "такому" первому делали ремонт?! И вообще...

Потому я всегда складывал те записочки в одну кучу. Складывал до лучших времен, чтобы всегда можно было "отстреляться" — мол, точно, все, как и указывалось лично вами, полностью выполнено. Сличайте, сличайте...

...А что делать теперь?

Мозги застучали, как паровозные колеса.

Губы задрожали.

Надо бежать домой за теми записками. Ноги в руки...

Ну, как-то добежал до угла, поймал машину — домой. Хватаю скоросшиватель — опять на Пушкинскую. Дотягиваю до дверей зала заседаний. Дождались перерыва — я и скоросшиватель с записками. Еще мгновение — и председатель возле меня. Говорю: "Извините, я хотел объяснить...". Председатель невозмутимо: "А что еще объяснять? И о чем нам с вами говорить? Все уже сказано... Ждите письменного решения..."

Я преградил дорогу: "Извините, вы не поняли. Я же тот самый Глубокоуважаемый...". Руки мои автоматически перетасовывали спасительные записки.

К председателю мгновенно вернулась память. Тут же он жестко приказал: "Никуда не отходить! Вас вызовут". Я уже, как говорится, почти начал сушить сухари.

Буквально через минуту меня вызвали.

Председатель обратился к залу: "Товарищи! В связи с вновь открывшимися обстоятельствами есть необходимость вернуться к рассмотрению ранее заслушиваемого вопроса о самовольном строении...".

Затем ко мне: "Скажите, пожалуйста, вы действительно "вырезали" два окна в соседний двор, провели водяное отопление, устроили отдельный туалет, настелили новые полы?.." Опустив голову, я подтвердил.

Вопросы продолжались: "А скажите нашему уважаемому собранию, ваш дом относится к частному сектору или государственному?". Еще не понимая, к чему он клонит, я подтвердил, что живу в государственной квартире. А у самого перед глазами прошла вся жизнь — и очереди, и голодуха, и похоронки, и мама с папой...

Тут председатель разошелся не на шутку: "Да что же это происходит, товарищи! Обращаю внимание комитета на то, что в столь серьезный для нашей страны момент находятся люди, которые хотят пустить работу комитета по ложному следу, укрыв таким образом действительные факты хищения и злоупотреблений служебным положением...".

Указав на меня, он продолжил: "Перед вами человек, который смог в такое непростое время построить для нашего государства, повторяю — для нашего государства (!) — благоустроенное жилье! Да за этот поступок его не осуждать, а награждать надо... Прошу это внести в протокол...".

Какие есть мнения?

Мнение одно — дело прекратить, прежние решения по данному вопросу отменить, самовольное переоборудование квартиры номер... по адресу... узаконить.

Мои ноги вместе со мной вышли в коридор.

На мгновение перед глазами возник председатель... с протянутой рукой, в которую я автоматически вложил уже сделавший свое дело скоросшиватель.

...На улице меня встречала толпа моих рабочих.

Оказывается, до них успел долететь слух, что где-то на Пушкинской, 34, готовится расправа. Люди побросали работу, двинулись со своих объектов — с Колонтаевской, Садиковской, Разумовской, Косвенной... В рабочей робе, с инструментом. Штукатуры и маляра, кровельщики и плотники, сварщики и подсобники. Эти ребята прошли с Молдаванки через весь город сюда, на Пушкинскую, чтобы посмотреть в глаза тому правосудию. Хотя именно с такими "глазами" в институт Филатова должны принимать без очереди...

Вся эта толпа и проводила меня домой.

На расспросы домашних я ответил: "Все в порядке. Комитет народного контроля принял единственно верное решение".

Дочка-школьница переспросила: "Папа! А что такое "Комитет народного контроля"?" Я посадил ее на новый подоконник: "Смотри, дочка, вот он, наш "Комитет народного контроля". Из окна я помахал ребятам, которые все еще не расходились...

...Еще год-два назад я встречал по выходным на Староконном еще тех моих хлопцев, с которыми ремонтировали и ставили на ноги этот город.

Бывало, задержимся на минутку, закурим, перебросимся словами "за то время". Что тогда, что теперь... Хотя нам всегда, во все времена, твердили: "В наше непростое время...".

Время — это понятно, а я вот до сих пор так и остался не награжденным, хотя тот председатель намекал...

А еще говорят, что родина знает своих героев.

Как раз родину и своих героев мы уже давно хорошо знаем со всех сторон.

А ты мне рассказываешь...

